Поэзия сумароковцев на страницах «Ежемесячных сочинений» за 1755 год показывает совершенно определенную установку поэтов этого лагеря на масонскую и любовно-пасторальную тематику. Особенно ярко это проявилось в творчестве М. М. Хераскова, произведения которого количественно составляют самую значительную часть отдела поэзии журнала.

Вступив в литературу в период самоопределения и активной борьбы с литературными противниками сумароковской школы, Херасков следует ее литературной программе. Он обращается к жанрам камерной поэзии, в его раннем творчестве, полнее даже чем у Сумарокова, развиваются масонско-философские мотивы.

В той же книге «Ежемесячных сочинений», где была помещена поэма Дубровского, Херасков опубликовал ряд стихотворений: «Оду к господину В***», «Оду Анакреонтову», сонет, эпитафию. В них рисовался идеал человека созерцательного, пассивного, ушедшего в свой мир. Второй важной темой поэзии Хераскова была тема смерти, что явно противоречило традиционному содержанию жанра анакреонтической оды, посвященной главным образом воспеванию радостей любви и наслаждения жизнью.

Правда, и в поэзии Анакреона были мотивы смерти, но греческий поэт не ставил своей целью устрашать ими читателя; мысль о смерти у него — всегда стимул к наслаждениям и радости. У Хераскова же мы находим иное.

Мистически-масонская идейная направленность и в связи с этим своеобразное преломление анакреонтики со всею полнотою раскрываются в «Оде Анакреонтовой». Здесь неумолимый рок в образе смерти с косой, которую ничто не может отвратить, занимает центральное место:

Но есть ли смерть косу возносит,
Когда она к нему придет,
Ни злата, ни сребра не просит,
Едину душу извлечет.

* *
*

Не могут младость с красотою
Ея свирепость утолить;
Не можно ни ценой драгою
У оной жизни откупить.[1]

Образная структура оды, как вообще произведений этого типа не только Хераскова, но и других поэтов-сумароковцев, зиждется на противопоставлении «приятств» жизни, природы и могильного хлада, причем «приятства» жизни выдерживаются в духе следования Анакреону: любовь, веселье, внутреннее спокойствие.

Характерно также третье произведение Хераскова в том же августовском номере «Ежемесячных сочинений» — «Сонет и эпитафия». В сонете бездомный странник рассказывает свою историю:

Я век свой по свету за пищею скитался,
Пристанища себе нигде я не имел;
Везде я странствовал, жил тамо, где хотел,
Чужим я был одет, чужим я и питался.

---

[1] «Ежемесячные сочинения», 1755, август, стр. 165.